

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-31>

УДК 316

Attribution

cc by

ДИАЛЕКТИКА КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЭПОХУ TRUE-CRIME МЕДИА:
ВЗАИМОВЛИЯНИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ИХ СОВЕРШЕНИЯ

Гюрджян Г.А.¹, Таганова А.А.², Плотников В.В.³

Краснодарский университет МВД России^{1,2},

Российский государственный экономический имени Г.В. Плеханова³

Аннотация. Современные true-crime медиа – от популярных телесериалов («CSI», «Менталист», «Декстер») до документальных фильмов и подкастов – оказывают противоречивое диалектическое воздействие на преступность. С одной стороны, они просвещают общество и раскрывают широкому зрителю методы криминалистики и типичные поведенческие маркеры лжи. С другой – эти же медиа невольно обучают потенциальных преступников, повышая их «криминальный интеллект» и вооружая знаниями для противодействия следствию. В данной статье предлагается модель «эффекта криминального просвещения», представляющую динамическую гонку вооружений между правосудием и преступниками. На основании анализа литературы и медийного дискурса выделены четыре ключевые закономерности такого взаимодействия: 1) «смещение поведенческих маркеров» лжи под влиянием узнаваемости клише; 2) начальная стандартизация, а затем дифференциация методов сокрытия улик по мере освоения популярных приемов; 3) романтизация и заимствование медийных нарративов для рационализации преступления; 4) парадокс доверия к следствию, сочетающий страх перед всемогущей криминалистикой и надежду на ее изъяны. Обсуждается, как true-crime медиа создают у преступников новые поведенческие стратегии, а у следствия – необходимость инноваций, что ведет к эволюции «портрета» преступления. Теоретическая новизна работы заключается в диалектическом осмыслении данного феномена. Предложены направления дальнейших эмпирических исследований – от контент-анализа уголовных дел до экспериментов с группами зрителей true-crime – для проверки обозначенных эффектов.

Ключевые слова: true-crime медиа, эффект CSI, копирующие преступления, криминальное поведение, криминалистическая тактика, социальное научение, диалектическая модель.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE DIALECTICS OF CRIMINAL BEHAVIOR IN THE AGE OF TRUE-CRIME MEDIA:
THE INTERACTION OF REPRESENTATIONS OF CRIME SOLVING AND TYPOLOGICAL FEATURES
OF THEIR COMMISSION

Gayk A. Gyurjyan¹, Anna A. Taganova², Vladimir V. Plotnikov³,

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia^{1,2},

Plekhanov Russian University of Economics³

Abstract. Modern true-crime media—from popular television series (CSI, The Mentalist, Dexter) to documentaries and podcasts—have a contradictory, dialectical impact on crime. On the one hand, they educate society and reveal forensic methods and typical behavioral markers of deception to a wider audience. On the other hand, these same media unwittingly educate potential criminals, increasing their «criminal intelligence» and equipping them with the knowledge to counter investigators. This article proposes a model of the «crime education effect», which represents a dynamic arms race between the justice system and criminals. Based on an analysis of literature and media discourse, four key patterns of this interaction are identified: 1) the «shifting of behavioral markers» of lying under the influence of cliché recognition; 2) the initial standardization and subsequent differentiation of methods for concealing evidence as popular techniques are mastered; 3) the romanticization and borrowing of media narratives to rationalize crime; 4) the paradox of trust in the investigation, combining fear of the omnipotent forensic science with hope for its flaws. It discusses how true-crime media create new behavioral strategies in criminals and the need for innovation in investigators, leading to the evolution of the «portrait» of the crime. The theoretical novelty of the paper lies in its dialectical understanding of this phenomenon. Directions for further empirical research—from content analysis of criminal cases to experiments with groups of true-crime viewers—are proposed to test the identified effects.

Keywords: true-crime media, CSI effect, copycat crimes, criminal behavior, forensic tactics, social learning, dialectical model.

Funding: Independent work.

Введение.

Популярность криминальных сериалов и документальных проектов о преступлениях в последние десятилетия стремительно возросла. Например, сериал «CSI: Место преступления» в середине 2000-х годов стал глобальным феноменом, еженедельно аудитория нескольких его версий достигала свыше 100 миллионов зрителей. Миллионы людей регулярно смотрят телешоу о расследованиях, слушают подкасты о серийных убийцах, читают детективные хроники. Это медиа-потребление формирует у массовой аудитории определенные представления о методах раскрытия преступлений и возможностях криминалистики. Возникает т.н. «эффект CSI», заключающийся в завышенных ожиданиях общества в отношении всесильности судебных экспертиз. Считается, что приносящие, посмотревшись сериалов, требуют от обвинения «неоспоримых» вещественных доказательств (ДНК, сложных анализов) в каждом деле и склонны сомневаться в виновности при их отсутствии. Однако влияние true-crime медиа не ограничивается сферой правосудия и общественного мнения – оно может затрагивать и само преступное поведение [3].

В рамках междисциплинарных подходов (социология девиантности, криминальная психология, криминалистика) все более актуальным становится вопрос: Не происходит ли незаметная «просветительская» подготовка самих преступников под влиянием этих же популярных медиа?

Сериалы и документалистика, разоблачающие приемы следствия, могут непреднамеренно служить пособием для правонарушителей. Преступники, особенно с заранее сформированной склонностью к насилию или нарушению закона, способны усваивать модели поведения, технологии сокрытия улик и даже идеологические обоснования противоправных действий, почерпнутые из экранных образов.

Согласно классическим положениям дифференциальной ассоциации Э. Сатерленда, преступное поведение – это результат научения в определенной социальной среде [8]. В современных условиях такую среду все чаще дополняют массовые коммуникации.

Как отмечает В.Н. Кудрявцев, медиа (телевидение, кино, видеоигры) могут выступать каналами «преступной социализации», транслируя образцы противоправного поведения и обучая новые поколения потенциальных правонарушителей [11].

Таким образом, вырисовывается диалектическое противоречие. С одной стороны – просветительская функция true-crime жанра, благодаря которой общество (включая добропорядочных граждан) узнает о криминалистических методиках, учится распознавать признаки лжи и осторожнее относится к потенциальным угрозам. Но с другой стороны – тот же поток информации доступен и преступникам, для которых подобные передачи превращаются в своего рода «учебники» по тому, как не попасться следствию. Этот эффект

можно назвать «эффектом криминального просвещения», когда медиа повышают информированность не только законопослушных зрителей, но и правонарушителей. В результате, происходит своего рода скрытая адаптация преступников. Они стараются учитывать известные им из фильмов методы работы полиции и корректировать свои действия, чтобы сложнее было их изобличить.

Противоречие между тезисом (просвещение против преступности) и антитезисом (просвещение во благо преступности) разрешается в виде динамического синтеза – эволюционирующей «гонки вооружений» между преступным поведением и криминалистикой. Следователи вынуждены постоянно усложнять и совершенствовать тактику расследования, выходя за рамки стереотипных приемов, известных из массовой культуры. В то же время, наиболее мотивированные преступники ищут более изощренные способы уклонения от правосудия, не ограничиваясь простым копированием увиденных на экране приемов, а творчески их перерабатывая или отвергая как слишком очевидные.

В итоге, меняются и типологические черты самого преступления – способы подготовки, совершения и сокрытия деяний, а также поведение преступников после преступления.

Актуальность данного исследования обусловлена как широким распространением true-crime медиа, так и недостаточной изученностью их влияния на преступное поведение. Данные свидетельствуют о том, что примерно каждый пятый преступник из числа осужденных признавал за собой так называемое сорусат-преступление, т.е. деяние, совершенное по мотивам или с использованием идей из медиасюжета. Около 20 % заключенных прямо указывают на то, что рассматривали медиа (фильмы, новости) как источник ценной информации о том, как совершить преступление [7].

Более того, имеющиеся наблюдения показывают, что медиа могут влиять преимущественно на уже сформировавшихся преступников (с историей правонарушений), усиливая их «профессиональные» навыки либо мотивируя на более дерзкие действия [3].

Таким образом, цель данной статьи – разработать теоретическую модель диалектического воздействия true-crime медиа на преступное поведение и на этой основе выявить конкретные закономерности изменения поведения преступников под влиянием медийного «криминального просвещения».

Материалы и методы. Исследование основывается на качественном анализе литературных и эмпирических источников, а также на данных медийного дискурса о преступности. Особое внимание уделено работам по криминологии и психологии, посвященным проблемам научения преступному поведению и противодействия расследованию (теории социального научения, рационального выбора, нейтрализации ценностей и др.). Например, использованы результаты опросов осужденных о влиянии медиа, контент-анализ

сообщений о сорусат-преступниках [6], а также психолингвистические исследования лжи [5].

Результаты.

Диалектическая модель влияния true-crime медиа на преступное поведение включает четыре ключевых взаимосвязанных эффекта (закономерности). Для удобства презентации мы выделяем их схематически, хотя в реальности они пересекаются. Ниже последовательно рассмотрены:

- 1) смещение поведенческих индикаторов лжи;
- 2) стандартизация, а затем дифференциация методов сокрытия улик;
- 3) медийная рационализация (оправдание) преступления;
- 4) парадокс восприятия всеислия и уязвимости следствия.

Популярные медиа не только популяризируют научные методы криминалистики, но и тиражируют определенные образы лжи – т.е. стереотипные признаки, по которым в фильмах вычисляют виновного. Во многих передачах уделяется внимание языку тела, мимике, неврологическим реакциям подозреваемых.

Широкий зритель теперь знает, что нервный беглый взгляд, дрожащие руки, пот на лбу или путаная речь – потенциальные сигналы обмана. Однако именно вследствие этой осведомленности подобные наивные маркеры становятся все менее надежны.

Преступники, особенно подготовленные, учатся контролировать очевидные проявления волнения. Более того, они могут преднамеренно демонстрировать «спокойствие», имитируя образ невинного, каким его представляют в массовом сознании.

Как показывают психологические исследования, люди, которые намеренно хотят скрыть обман, часто переигрывают естественность. Например, вместо того, чтобы отводить взгляд (как, по их мнению, делают лжецы), они стараются непрерывно смотреть в глаза собеседнику, тем самым, выходя за пределы нормального поведения правдивого человека.

Исследование, проведенное С. Манн и др., эмпирически подтвердило: лжецы умышленно поддерживают зрительный контакт дольше, чем это делают честные люди, именно из-за распространенного мифа о «бегающих глазах» обманщика [5]. Данный феномен можно рассматривать как пример смещения маркеров: те сигналы, которые в докриминальную эпоху теледетективов могли косвенно указывать на ложь, теперь осознаются самими лжецами и подавляются или маскируются.

Разумеется, полностью ликвидировать непроизвольные утечки информации сложно – в ответ на подавление одних индикаторов могут возникать другие. Так, подозреваемый, тщательно контролирующий позу и жесты, может демонстрировать аномальную скованность, «деревянность» движений; стремление говорить слишком ровно и спокойно может проявиться в неестественной монотонности речи. Парадоксально, но подобная сверхконтроль тоже способен насторожить опытных следователей.

Новейшие методики психодиагностики лжи учитывают эту возможность: вместо отдельных поведенческих «типов» анализируется комплекс признаков и сравнивается с базовой линией поведения человека. Кроме того, следователи начинают шире применять тонкие подходы – например, когнитивные техники допроса, заставляющие лжеца раскритиковать себя не физиологическими реакциями, а противоречиями в искусственно усложненном рассказе. Тем не менее, гипотеза смещения остается: под влиянием true-crime медиа, распространенные клише лжи теряют информативность, а на авансцену выходят более сложные, «мета-» маркеры, связанные с попытками имитировать правдивость.

Поставленная проблема может быть исследована экспериментально. Можно сопоставить поведение «осведомленных» и «неосведомленных» лиц в ситуации симулированного допроса. Предположение состоит в том, что участники, много смотрящие детективные шоу, будут демонстрировать меньше стандартных признаков волнения (избегание взгляда, заметная дрожь, оговорки), но возможно чаще станут допускать сверхстандартные проявления (необычно пристальный взгляд, заученно спокойную речь и пр.). Некоторое подтверждение этому можно видеть даже в бытовом контексте: люди, знающие о методах полиграфа или о типичных «симптомах» лжи, иногда пытаются обмануть окружающих более изощренно. Например, ряд пособий для мошенников рекомендует прикидываться не просто уверенным, а чересчур возмущенным подозрениями – создавая впечатление оскорбленной невинности. Подобные тактики все чаще фигурируют и в криминальной практике, отразившись, в частности, в портретах некоторых серийных убийц, умело вводивших полицию в заблуждение относительно своей личности.

Стандартизация и дифференциация методов сокрытия – не менее важный аспект. Медиа-влияние прослеживается не только в области поведения подозреваемого, но и на техническом уровне – в способах приготовления и сокрытия преступления. Популярны криминальные сюжеты нередко диктуют своеобразную «моду» на определенные приемы. Зрители узнают, как убийцы уничтожают следы крови с помощью химических средств, избавляются от тел, избегают отслеживания мобильных телефонов и т.п. Иногда такие детали сюжета основаны на реальных прототипах, иногда – плод сценарной фантазии. В любом случае, они открыто транслируются миллионам зрителей. Как следствие, часть криминальной аудитории может взять их на вооружение.

Феномен сорусат-преступлений (преступлений-подражаний) хорошо известен криминологии: до 20–25 % правонарушителей признают, что имели образец для подражания, увиденный в СМИ или художественном произведении [5]. Причем, обычно речь идет не о полном копировании, а лишь об использовании отдельных элементов, «подсмотренных» в оригинале. К примеру, резонансный случай в Великобритании: 18-

летний преступник Джордж Нйтс, фанат сериала «Во все тяжкие», убил человека и пытался растворить тело жертвы в кислоте – метод, который он явно почерпнул из телесюжета. Он также использовал имя главного героя сериала, «Уолтер Уайт», как пароль к своему компьютеру – символический жест, подтверждающий влияние художественного образа на реальное преступление.

Другой печально известный пример – случай канадца Марка Твитчелла: будучи одержимым персонажем серийного убийцы из шоу «Декстер», он попытался воплотить сценарий на практике, оборудовав свой гараж под «комнату убийств» по образцу сериала (стены и окна затянуты полиэтиленовой пленкой, приготовлены средства для чистки крови и т. д.). Твитчелл даже публично отождествлял себя с Декстером, создавая страничку от его имени в соцсети [1]. В итоге, его преступление практически полностью воспроизвело сцены из фильма, что позволило следователям легко провести параллели и изблечить его по горячим следам.

Эти случаи иллюстрируют явление стандартизации криминальных методов под влиянием поп-культуры. Определенные приемы – скажем, использование бытового отбеливателя для уничтожения следов ДНК – из относительно редких превращаются в почти тривиальные, поскольку о них «узнали все». Однако диалектическое развитие не останавливается на этом этапе. Как только прием становится типовым и широко известным, следственные органы адаптируются, разрабатываются методики обнаружения и нейтрализации подобных уловок. Например, криминалисты научились обнаруживать даже тщательно вычищенные отбеливателем пятна крови с помощью специальных реагентов, фиксировать следы горючих жидкостей при умышленных поджогах и т. п. Более того, правоохранители, зная о популярности того или иного *modus operandi* из кино, могут целенаправленно искать соответствующие улики. В том числе, попытки замаскировать то или иное деяние – это фактор, указывающий на интерес в сокрытии информации. В результате продвинутые преступники осознают, что избитые методы маскировки уже не дают прежнего преимущества, а лишь привлекают лишнее внимание. Им приходится искать новые, еще не «засвеченные» в культуре способы сокрытия. Это ведет к дифференциации методов – появлению более разнообразных и сложных технологий преступления. Практические примеры подтверждают данную динамику. Если в 1990-е годы использование одноразовых перчаток, стирание серийных номеров оружия или сжигание одежды преступника были сравнительно надежными стратегиями, то сегодня они считаются минимальной нормой предосторожности, и большинство следователей их ожидают по умолчанию.

Прогнозируемая закономерность такова. После волны популярности конкретного медийного сюжета, где показан уникальный способ сокрытия, воз-

можно кратковременное учащение случаев применения этого способа в реальных преступлениях (стандартизация). Затем – по мере раскрытия и осуждения таких случаев – их доля будет снижаться, уступая место иным, ранее не встречавшимся методам (дифференциация).

Проверка данной гипотезы может быть осуществлена посредством статистического анализа содержимого уголовных дел. Перспективно, на наш взгляд, проанализировать хронологию использования некоторых методов уничтожения улик (как менялась частота применения хлорки, кислот, инсценировки самоубийства, раздельного расчленения тел и т. д.) – и сопоставить эти тренды с выходом на экраны соответствующих фильмов, сделавших данные методы известными широкой публике.

Обсуждение.

Помимо технических знаний, true-crime медиа предоставляют определенные нарративы – культурные сценарии, способные влиять на мотивацию и самооценку преступника.

Многие сериалы героизируют или очеловечивают правонарушителей, иногда представляя их в образе своеобразных «мстителей» или гениев, действующих по собственному моральному коду. Классическим примером является уже упомянутый сериал «Декстер», где главный герой – серийный убийца, однако уничтожающий только «плохих парней» и симпатизирующий зрителю. Подобные сюжеты могут приводить к романтизации образа преступника. Для реальных потенциальных преступников это чревато тем, что у них появляется готовая схема рационализации своих действий.

Теория нейтрализации моральных норм [9] утверждает, что делинквенты часто заранее придумывают оправдания своим нарушениям – например, обвиняют жертву («она сама виновата») или апеллируют к высшей цели («восстановление справедливости») [2]. Массовая культура может снабжать их такими оправданиями в яркой, эмоционально притягательной форме.

Так, анализ реальных признаний и переписки упомянутого Марка Твитчелла (дело «декстеровского» убийцы) показал, что он фактически идентифицировал себя с художественным персонажем, пытаясь переложить логику вымышленного сюжета на жизнь. В его дневнике содержались рассуждения о «прогрессировании в серийного убийцу» как о творческом проекте, своего рода самореализации. Хотя Твитчелл и не смог внятно объяснить свою мотивацию (кроме фразы «есть как есть, я таков каков есть»), его случай демонстрирует, что грань между вымыслом и реальностью для него размывалась. Подобно этому, некоторые серийные преступники черпали вдохновение из образов маньяков в кино, стараясь «превзойти» оригинал. True-crime документалистика также способна влиять на самоощущение преступника (когда истории убийц становятся популярными, у новых девиантов появляется искушение прославиться аналогичным путем, получить свою

долю печальной славы). Медиа внимание – это то, чего, по мнению психологов, жаждет определенный тип преступников (особенно террористы, массовые стрелки) ради самореализации.

Таким образом, массовое освещение преступлений может порождать эффект подражания с целью признания. Гипотеза романтизации предполагает, что среди мотивирующих факторов для части преступников оказывается медийный образ преступления как оправданного или грандиозного деяния.

В то же время, у этого явления есть и обратная сторона, полезная для следствия. Некоторые злоумышленники, вдохновленные поп-культурой, начинают афишировать свои планы или восхищение предшественниками в соцсетях. Отмечено, что нередко перед резонансными преступлениями их будущие исполнители оставляли цифровые следы – комментарии, посты, видео – где упоминали предыдущие трагедии или общались на форумах поклонников серийных убийц [3; 4]. Вовремя перехваченные такими же пользователями или спецслужбами, эти сигналы позволяли пресечь готовящийся акт.

Таким образом, медиа способствуют не только появлению сорусат-преступников, но и помогают их разоблачать, когда те публично выдают свои намерения в попытке самоутверждения.

Четвертая закономерность отражает двойственное воздействие true-crime медиа на отношение к правоохранительной системе, как у широкой публики, так и у самих потенциальных преступников. С одной стороны, многочисленные сериалы и репортажи внушают мысль, что преступление рано или поздно будет раскрыто благодаря чудесам науки и упорству детективов. С другой – он помнит, что в тех же сериалах часто фигурируют ошибки, провалы и нераскрытые дела.

В итоге, у преступника может сложиться странный «парадокс доверия» по отношению к следствию – он уважает профессионализм и мощь системы, но не до конца верит в ее непогрешимость. Он одновременно переоценивает некоторые возможности полиции (и предпринимает контрмеры против них) и недооценивает другие, уповая на слабые места. Например, зная из медиа, что улики ДНК крайне важны для суда, такой злоумышленник сосредоточится на том, чтобы не оставить генетических следов – и, может быть, преуспеет в этом. Однако при этом он может пре-

небречь каким-то традиционным оперативным фактором (скажем, свидетелями или собственной цифровой активностью), посчитав его менее значимым – и будет изобличен именно через него. Либо наоборот, ожидая, что полиция будет действовать строго по шаблону, известному из кино, преступник попытается «обмануть алгоритм», внося ложные зацепки – но в реальности следователь пойдет другим путем. В любом случае, такое субъективное восприятие работы правосудия, формируемое медиаконтентом, влияет на выбор стратегии преступника, что должно учитываться в расследовательской практике [2].

Парадокс состоит в том, что медиа создали образ почти всемогущей криминалистики, но одновременно – шаблонизированный и предсказуемый [11]. Преступники, беря этот образ за точный, одновременно боятся и пытаются переиграть именно ту систему, которую видят на экране. А реальные правоохранители вынуждены ломать данный стереотип, внедряя новые неочевидные методы работы, чтобы восстановить элемент неожиданности. В этой связи, перспективным направлением исследования является изучение представлений о полиции у лиц, склонных к делинквентности (как коррелируют часы, проведенные за true-crime сериалами, с верой респондента в возможность обойти следствие, либо наоборот – с апатией перед его непобедимостью). Если гипотеза верна, мы ожидаем обнаружить нелинейную зависимость: медиапотребление сначала повышает доверие к силе полиции (усиливая страх наказания), но затем, после определенного «порога знаний», может усиливать уверенность в своей способности перехитрить систему (снижая сдерживающий страх). Подобный эффект зачастую распространен в представлениях правонарушителей с юридическим образованием.

Закключение.

Подводя итог, диалектика true-crime медиа и преступного поведения – сложный и многогранный феномен, требующий междисциплинарного осмысления. Его изучение позволит глубже понять эволюцию современных форм преступности и выработать адекватные ответные стратегии со стороны общества и государства. Только учитывая двусторонний характер «криминального просвещения», можно эффективно нейтрализовать негативные последствия медийного влияния и одновременно использовать его просветительский потенциал на благо безопасности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. "The Dexter Killer" Inside the mind of a murderer // CBS News. 14.08.2024. URL: <https://www.cbsnews.com/pictures/mark-twitchell-the-dexter-killer-evidence-photos/#:~:text=Image%3A%20Mark%20Twitchell%27s%20,Edmonton%20Crown%20Prosecution%20Office> (дата обращения: 11.11.2025).
2. Bandura A. *Social Learning Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1977. 247 p.

3. Baranowski A.M., Burkhardt A., Hecht H. The CSI-education effect: Do potential criminals benefit from forensic TV series? // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2018. Vol. 52. P. 86-97. DOI: 10.1016/j.ijlcj.2017.10.001
4. Beauregard E., Bouchard M. Cleaning up your act: Forensic awareness as a detection avoidance strategy // *Journal of Criminal Justice*. 2010. Vol. 38, no. 6. P. 1160-1166. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2010.08.006
5. Johnston J.E. The psychology of "copycat killers" // *Psychology Today*. 13.07.2021. URL: <https://www.psychologytoday.com/ru/psychology/2021/07/copycat-killers>. Доступно.
6. Mann S., Vrij A., Leal S., Granhag P.A., Warmelink L., Forrester D. Windows to the soul? Deliberate eye contact as a cue to deceit // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2012. Vol. 36, no. 2. P. 205-215. DOI: 10.1007/s10919-012-0132-4 EDN: RMAGHR
7. Shelton D.E., Kim Y.S., Barak G. A study of juror expectations and demands concerning scientific evidence: Does the "CSI effect" exist? // *Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law*. 2007. Vol. 9, no. 2. P. 331-368.
8. Surette R. Estimating the prevalence of copycat crime: A research note // *Criminal Justice Policy Review*. 2014. Vol. 25, no. 6. P. 703-718. DOI: 10.1177/0887403412464546
9. Sykes G.M., Matza D. Techniques of neutralization: A theory of delinquency // *American Sociological Review*. 1957. Vol. 22, no. 6. P. 664-670.
10. Васильева Н. Ю. Психолингвистический анализ показаний участников предварительного расследования как один из параметров отражения идеального криминалистического слеодообразования // *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки*. 2016. №3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskiy-analiz-pokazaniy-uchastnikov-predvaritelnogo-rassledovaniya-kak-odin-iz-parametrov-otrazheniya-idealnogo> (дата обращения: 20.10.2025). EDN: WYNAAF
11. Кривенцов П. А. Зарубежный опыт изучения латентной преступности // *Актуальные проблемы российского права*. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-izucheniya-latentnoy-prestupnosti> (дата обращения: 11.11.2025). EDN: PVAAIZ
12. Кудрявцев В.Н. Интервью: "Криминолог оценил влияние фильмов и компьютерных игр на уровень преступности" // *Вечерняя Москва*. 2021. 4 марта. URL: https://vm.ru/society/163065-2-noyabrya-dmitrievskaya-roditelskaya-subbota?utm_source=vm&utm_campaign=scroll&utm_medium=scroll (дата обращения: 20.10.2025).

References:

1. "The Dexter Killer" Inside the mind of a murderer // CBS News. 08/14/2024. URL: <https://www.cbsnews.com/pictures/mark-twitchell-the-dexter-killer-evidence-photos/#:~:text=Image%3A%20Mark%20Twitchell%27s%20,Edmonton%20Crown%20Prosecution%20Office> (date of request: 11.11.2025).
2. Bandura A. *Social Learning Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1977. 247 p.
3. Baranowski A.M., Burkhardt A., Hecht H. The CSI-education effect: Do potential criminals benefit from forensic TV series? // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2018. Vol. 52. P. 86-97. DOI: 10.1016/j.ijlcj.2017.10.001
4. Beauregard E., Bouchard M. Cleaning up your act: Forensic awareness as a detection avoidance strategy // *Journal of Criminal Justice*. 2010. Vol. 38, no. 6. P. 1160-1166. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2010.08.006
5. Johnston J.E. The psychology of "copycat killers" // *Psychology Today*. 07/13/2021. URL: <https://www.psychologytoday.com/ru/psychology/2021/07/copycat-killers>. Available.
6. Mann S., Vrij A., Leal S., Granhag P.A., Warmelink L., Forrester D. Windows to the soul? Deliberate eye contact as a cue to deceit // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2012. Vol. 36, no. 2. P. 205-215. DOI: 10.1007/s10919-012-0132-4 EDN: RMAGHR
7. Shelton D.E., Kim Y.S., Barak G. A study of juror expectations and demands concerning scientific evidence: Does the "CSI effect" exist? // *Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law*. 2007. Vol. 9, no. 2. P. 331-368.
8. Surette R. Estimating the prevalence of copycat crime: A research note // *Criminal Justice Policy Review*. 2014. Vol. 25, no. 6. P. 703-718. DOI: 10.1177/0887403412464546
9. Sykes G.M., Matza D. Techniques of neutralization: A theory of delinquency // *American Sociological Review*. 1957. Vol. 22, no. 6. P. 664-670.
10. Vasilyeva N. Y. Psycholinguistic analysis of the testimony of participants in the preliminary investigation as one of the parameters of reflection of the ideal forensic trace formation. // *News of TulSU. Economic and legal sciences*. 2016. No.3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskiy-analiz-pokazaniy-uchastnikov-predvaritelnogo-rassledovaniya-kak-odin-iz-parametrov-otrazheniya-idealnogo> (date of request: 10/20/2025). EDN: WYNAAF
11. Kriventsov P. A. Foreign experience in the study of latent criminality // *Actual problems of Russian law*. 2012. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-izucheniya-latentnoy-prestupnosti> (date of request: 11.11.2025). EDN: PVAAIZ
12. Kudryavtsev V.N. Interview: "A criminologist assessed the impact of films and computer games on the crime rate" // *Evening Moscow*. 2021. March 4. URL: https://vm.ru/society/163065-2-noyabrya-dmitrievskaya-roditelskaya-subbota?utm_source=vm&utm_campaign=scroll&utm_medium=scroll (date of request: 10/20/2025).

Информация об авторах:

Гюрджян Гайк Арменович, кандидат психологических наук, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России, inkognito3@inbox.ru

Таганова Анна Александровна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России, inkognito1@inbox.ru

Плотников Владимир Валериевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российский государственный университет имени Г.В. Плеханова, inkognito13@inbox.ru

Gaik A. Gyurjyan, Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Anna A. Taganova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vladimir V. Plotnikov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management, Plekhanov Russian State University.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.